

6. Смалянчук, А. Гаман Скірмунт: шлях да Беларусі / А. Смалянчук // Спадчына. 1994. –

7. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус энцыкл., рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 6, кн. 1. Пузыны – Усяя. – 591 с.

8. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1: Беларус энцыкл. / рэдкал.: М. В. Біч, маст. Э. Э. Жакевіч. – Т. 2 / рэдкал.: Б. І. Сачанка. – Мінск: БелЭн, 1994. – Мінск: БелЭн, 1996. – Т. 3. / рэдкал. Г. П. Пашкоў.

9. Fedorowicz, I. W służbie ziemi ojczystej. Czesław Jankowski w życiu kulturalnym Wilna lat 1905–1929 / I. Fedorowicz. – Kraków: Collegium Columbinum, 2005. – 306 s.

10. Литвініёнок, Р. Польское общественно-политическое движение в Литве и Беларуси. Характеристика и анализ на рубеже XIX–XX вв. / Р. Литвініёнок – Саарбрюккен: LAP I AMBERT Academic Publishing, 2013. – 193 с.

(Дата подачи: 25.02.2014 г.)

Л. В. Ляхович

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Минск

ПОНЯТИЕ «АБСОЛЮТИЗМ»: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Современная историография пока не выработала четкой и непротиворечивой дефиниции понятия «абсолютизм». В статье показаны причины сложившейся ситуации, указаны теоретические основы и критерии, на базе которых может быть создано определение абсолютизма, отвечающее актуальным методологическим требованиям.

Modern historiography has not yet developed a clear and consistent definition of the concept of «absolutism». The article shows the reasons for the situation, the theoretical basis and the criteria on which the definition of «absolutism» that meets current methodological requirements can be based.

Понятие «абсолютизм» является одним из центральных в современной новистике. Оно характеризует, с одной стороны, типичную, а с другой – специфическую, характерную для Европы раннего Нового времени, форму государственного управления. Новоевропейское «регулярное государство» организовывало и контролировало все сферы жизни общества – от всемерного утверждения принципа «государственного интереса» до регулирования частной жизни подданных. Высказанное замечание приобретает особую важность, если учесть, что в Новое время были заложены и развиты многие политические, культурные и ментальные основы современной Европы, включая различные типы политической культуры, которые в большей или меньшей степени проявляются и в наши дни. Таким образом, четкое понимание того, что есть абсолютизм, и адекватное его определение важны как собственно для новистики, так и для всего комплекса социальных наук и понимания ряда современных реалий.

Между тем на протяжении уже не одного десятилетия проблема дефиниции абсолютизма остается нерешенной. Разумеется, есть общепринятые формулировки, изменяемые в связи с методологической ситуацией. Так, современная учебная литература для высшей школы, не порывая с традиционным пониманием абсолютной монархии, в то же время дополняет и корректирует имеющиеся

определения [1]. Данная позиция является правильной, так как соблюдается необходимый для преподавания баланс между устоявшимся предметным полем и новыми интерпретациями.

Однако в научной среде ситуация гораздо сложнее, и четкое, непротиворечивое формулирование сущности абсолютизма остается труднодостижимым. Проблема имеет уже давнюю историю. Так, начиная дискуссии 1968–1972 гг., посвященную российскому абсолютизму, исследователь истории России начала XX в. А. Я. Аврех писал: «Абсолютизм – тема не только важная, но и коварная. Эта проблема обладает удивительным свойством: чем больше успехи в ее конкретно-исторической разработке, тем туманнее становится ее сущность. Гвоздем проблемы является соотношение феодального и буржуазного в политике абсолютной монархии» [2, с. 82]. Почти через сорок лет, в другой историографической ситуации, один из ведущих российских медиевистов и исследователей раннего Нового времени П. Ю. Уваров, отметил, что «...наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаем о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином “абсолютизм”. Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив... и реальной практикой отправления власти и правосудия... Этот новый ракурс привел одних авторов к демонстративному развенчанию термина “абсолютизм”, а других к простому игнорированию его в своих практических исследованиях» [3, с. 237]. И уже совсем недавно Л. И. Ивонина, известная российская исследовательница политической истории раннего Нового времени, вновь обратила внимание на то, что «дискуссия об эпохально-специфическом качестве государства раннего Нового времени никогда не кончится, и это вполне нормально, как считают историки. Исследователями Старого порядка системное понятие “абсолютизм” перманентно подвергается критике, доходящей до утверждения, что эту категорию следует вообще удалить из ряда исторических дискурсов» [4, с. 105].

В российской историографии существует ряд исследований, в которых рассматривается история формирования и интерпретации понятия «абсолютизм». Так, в работах постсоветского периода А. Н. Медушевского [5], Ю. А. Сорокина [6], О. А. Омельченко [7] освещены теоретические основы изучения абсолютизма, происхождение самого понятия, подходы к его определению как российскими, так и зарубежными исследователями. Событием в историографии абсолютизма стал выход в 2005 г. специально посвященного французской абсолютной монархии выпуска «Французского ежегодника», где нашли отражение все существующие на тот момент концептуальные новации [8]. В отечественной науке также были проанализированы подходы к определению абсолютизма [9]. И все же в настоящее время, как и два десятилетия назад, можно констатировать, что «центральной проблемой

...должает оставаться вопрос об определении понятия "абсолютизм", критери-
...его изучения» [5, с. 16].

Почему сложилась и продолжает существовать такая ситуация? Причин не-
...ко, они разномасштабны, но, при более пристальном рассмотрении, их
...можно свести в одну. Во-первых, в советской историографии при формулирова-
...ности абсолютизма была принята концепция «равновесия». Согласно ей
...существования абсолютной монархии и значительной самостоятель-
...ности королевской власти является равновесие сил укрепляющейся буржуазии
...еще достаточно сильного дворянства в период перехода от феодализма к ка-
...питализму [10, с. 12–13]. Постепенно выявилось, что данная схема не пригодна
...для характеристики российского абсолютизма, так как теоретическая модель не
...соответается с материалами источников. Это обстоятельство и вызвало известную
...дискуссию об абсолютизме рубежа 60–70-х гг.

Вторым фактором стал методологический перелом рубежа 80–90-х гг., уже
...подготовленный в период перестройки, когда был сформулирован ряд новых
...тезисов относительно абсолютной монархии. Так, это было сделано исследо-
...вателем французского абсолютизма Н. Е. Копосовым в статье «Абсолютная
...монархия во Франции» [11]. Утверждая, что неправомерно переносить госу-
...дарственно-правовые концепции XIX – начала XX в., когда формулировалось
...понятие абсолютизма, на реалии XVI–XVIII вв., автор, по сути, разрушил тезис
...о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее инсти-
...туциональных и доктринальных ограничений [11, с. 42–44]. Характеристика
...абсолютизма как феодального государства, по мнению Н. Е. Копосова, является
...упрощенной, – и общество, и государство Старого порядка относились к пере-
...ходному от феодального к капиталистическому типу [11, с. 55]. Среди причин
...возникновения абсолютной монархии автор вовсе не упоминает концепцию
...«равновесия», а утверждает, что абсолютизм был этапом почти тысячелетнего
...роста государства, который, в качестве гипотезы, уместно связать с усложнени-
...ем общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, форми-
...рованием нового типа личности [11, с. 55].

Наконец, причиной глобального плана, включающей и описанные выше,
...был кризис социальной истории, охвативший европейскую историографию в
...70–80-х гг. XX в. Нужно сказать, что и советская марксистская, и европейская
...историография этого периода, исследуя социальные процессы, группы и тен-
...денции, в равной степени были подвержены конструированию теоретических
...моделей – пусть с разным идеологическим наполнением. В обоих случаях про-
...изошел разрыв между идеальной конструкцией и ее эмпирическим содержи-
...мом. Объекты, демонстрируя свою индивидуальность и логику взаимодействий,
...не соответствовали теоретической схеме. В результате, как отмечал Н. Е. Копо-
...сов, «история распалась “на кусочки”, причем неизвестно, как соотносить их
...между собой. Казалось бы... более мелкий объект познания не менее сложен,
...чем крупный. Но на практике это оказалось не так... Микросторику редко уда-
...ется сконструировать объект познания, сопоставимый как по важности, так и по

сложности с объектом макроистории... в профессиональном смысле распад истории обернулся застоєм...» [12, с. 5–6].

Последствием описанных процессов стала ревизия понятий, которые перестали адекватно отражать реальные явления. Так, под сомнения поставлены такие понятия, как «феодализм», «абсолютизм», «революция», «средние века», «раннее новое время» и т. д. Некогда цельная и логичная (хотя бы относительно) канва истории стала распадаться. Для научной среды «игры ума» в условиях кризиса традиционных понятий, конечно, полезны. Однако «конец истории», утратившей внутреннюю логику и целостность, а следовательно, и возможность познания, заставлял серьезно задуматься. Не случайно П. Ю. Уваров указывал, что «нужно найти определения хотя бы для преподавания, иначе курс истории вновь превратится в перечень фактов политической истории и сборник анекдотов» [13, с. 6]. Далее он анализирует ситуацию: «Происходит не вполне честная операция: берут обветшавшее понятие как минимум пятидесятилетней давности и накладывают его на эмпирический материал, добытый с помощью всей палитры современных подходов... И затем с радостью констатируют, что понятие к данной реальности неприменимо, поскольку эта реальность обладает, как оказалось, некими признаками, в него не укладывающимися... Вроде бы все знают слова “идеальный тип” и даже “исследовательская утопия”, все уже слышаны о том, к каким ошибкам может привести приписывание объективного существования этим “исследовательским утопиям”» [13, с. 9].

Выходов из этой ситуации, с точки зрения П. Ю. Уварова, может быть три. Первый – признать, что время общих понятий и больших нарративов ушло, и настала эпоха узких специалистов и микросюжетов. Второй путь – отбросить устаревшие понятия и придумать новые. Наконец, третий путь, на котором и предлагается сконцентрировать усилия, – подумать о том, можно ли приспособить старые понятия к современным условиям, и если можно, то как это сделать [13, с. 9]. Эта заключительная фраза П. Ю. Уварова открывает возможность поиска и предложения, что и будет предложено ниже.

Действительно, в научной среде наступила эпоха узкой специализации и микросюжетов. Об этом свидетельствуют не только названия работ, но и то внимание, которое в принципе уделяется в настоящее время уникальному в истории, структурам повседневности во всем их многообразии, отдельному человеку, семье, социальной группе и т. д. Вместе с тем нельзя признать, что ушло время больших нарративов. Они просто необходимы – как систематизированное, панорамное, имеющее внутреннюю логику историческое повествование, хотя бы для того, чтобы, имея общее представление, читатель мог в дальнейшем воспринимать более узкие сюжеты. Обобщающие работы выполняют функции справочной и в определенной мере учебной литературы, что нельзя переоценить. К тому же они несут и ценностное содержание – формируют относительно цельную, логичную, следовательно,

узнаваемую историческую картину. Другое дело, что в условиях постмодерна «конец истории» последнее замечание может оспариваться.

Что касается отбрасывания устаревших понятий и введения новых, то это естественный процесс и скорее не сознательно выбираемый путь историка, а условие его работы. Говоря об упразднении одних понятий и введении других, необходимо иметь в виду ряд обстоятельств. Во-первых, новое понятие и его определение должны «снимать» вопросы, возникшие ранее. Если этого не происходит, введение нового термина нецелесообразно во избежание терминологической путаницы. Во-вторых, появление и исчезновение терминов – это естественный, зачастую долгий процесс, где вряд ли уместны форсирование и волевые усилия. Наконец, следует задуматься о том, что мало поддающийся формализации понятийный аппарат исторической науки формировался не одно столетие, значения многих терминов уточнялись без упразднения последних, многие понятия демонстрируют проверенную временем устойчивость.

В отношении понятия «абсолютизм», не единожды отвергаемого, но, тем не менее, имеющего устойчивые коннотации, велико желание найти адекватную замену. Терминологический ряд возможных аналогов может быть представлен «деспотизмом», «самодержавием», «цезаризмом», «автократической монархией» из уже известных понятий, но все они, к сожалению, несут достаточно конкретную смысловую нагрузку, не указывающую на европейскую специфику. Можно предложить такие характеристики новоевропейской монархии, как «совершенная», «полная», «завершенная», «неразделенная», «самовластная», «сидновластная», «суверенная», что, в конце концов, восходит к монархии «совершенного могущества», охарактеризованной еще Ж. Боденом [7, с. 8]. Некоторые из эпитетов данного ряда, возможно, способны передать искомое значение, но в данной историографической ситуации они все же будут порождать дополнительные вопросы.

Нужно отдельно сказать о возвращенном ныне в науку термине «Старый порядок». Представляется, что замена им термина «абсолютизм» правомерна лишь в одном случае: если под абсолютизмом понимать в широком смысле весь комплекс социальных отношений, имевший место в Европе до Французской революции.

Сам термин «абсолютизм», действительно, достаточно экспрессивен, с жесткими коннотациями. Не случайно его введение сначала в публицистику, а затем в науку связано событиями 1820-х гг. в Испании, когда в 1823 г. абсолютизмом был назван контрреволюционный режим. Абсолютизм первоначально и был карикатурой, которую создали, чтобы охарактеризовать современные и не исторические явления. Однако этот стереотип прижился и был спроецирован на прошлое [14, с. 236–237].

Если заменять термин «абсолютизм» каким-либо другим, то представляется уместным перейти к более нейтральной в плане подтекста «абсолютной монархии», тем более что данное словосочетание вписывается в узнаваемый логический ряд: сословно-представительная монархия, абсолютная монархия, конституционная монархия.

Понятие есть выражение сущностных черт предмета. Какие же критерии являются базовыми для понимания сути абсолютной монархии? На первое место выступает правовой критерий, и, соответственно, правовой подход в определении, проявивший свою устойчивость на протяжении столетий. Это четко прослеживается, начиная с обоснования неограниченной власти юристами Древнего Рима, через монархию совершенного могущества Ж. Бодена, появления в российских источниках «абсолюта» (абсолютного монарха) и «абсолютизма» (абсолютизма), в первой четверти XVIII в. [15, с. 14], вплоть до определения абсолютизма, данного Н. И. Кареевым, крупнейшим представителем российской дореволюционной новистике. Абсолютизм, указывает Н. И. Кареев, – это неограниченная монархическая власть, аналогичная власти фараонов в Древнем Египте, эллинистическим монархиям, римской империи и монархии в Византии. Эпоха абсолютной монархии на европейском Западе была в известном смысле возвращением к политическим формам императорского Рима [16, с. 2–4]. Правовой подход, показавший свою устойчивость и на протяжении всех методологических трансформации в историографии XX в., несомненно, должен стать одним из базовых.

Как показали исследования последних лет, власть монарха при абсолютизме на практике фактически имела ряд ограничений – от «естественных законов» и традиционных корпоративных прав до установленного порядка престолонаследия [17–19]. Само же слово «абсолютизм» происходит от латинского «absolutus», что значит «неограниченный», «безусловный». Таким образом, налицо противоречие между понятием и реальным объектом. Это и стало одной из основных причин уязвимости понятия «абсолютизм» для критики. В то же время необходимо задаться таким вопросом. Даже если принять во внимание силу местных традиций, суверенных судов или общественного мнения, например, во Франции, был ли в этой стране хоть один социальный институт или орган управления, который мог легитимно оспорить права короля и тем более их реально ограничить или нарушить? Отрицательный ответ на данный вопрос дает возможность утверждать, что как раз в формально юридическом аспекте власть монарха и была неограничена. Введение оговорки «формально неограниченная власть» позволит «снять» одно из главных противоречий, дававших очевидный повод для ревизии понятия «абсолютизм» (или «абсолютная монархия»).

Фундаментальность правового подхода, однако, не локализует абсолютизм (или абсолютную монархию) во времени и пространстве, а предельно обобщенного определения Н. И. Кареева недостаточно для понимания сути этого понятия. Необходимы хронологический, географический и социокультурный критерии. В силу этого востребован социологический (или социально-психологический) подход, сформировавшийся уже в XX в. и дополнивший правовой. Сочетание обоих подходов, имеющее место в современной историографии, таким образом, отнюдь не случайно, а имеющаяся историографическая ситуация показывает его обоснованность.

Таким образом, при взвешенном рассмотрении положение с понятием «абсолютизм» не выглядит методологически безвыходным. В существующей методологической ситуации приемлема, во-первых, его замена на более нейтральную в дискурсивном и коннотативном плане «абсолютную монархию», возможны изменения уточняющего плана в определении, снимающие очевидные противоречия между понятием и его материальным референтом. Разумеется, любое понятие является целенаправленно созданной теоретической моделью, отражающей материальные объекты лишь с максимально возможной в данной степени точностью. Задача исследователя – по возможности сделать расхождение между идеальной конструкцией и реальным объектом минимальным. В гуманитарных науках, рассматривающих плохо поддающиеся классификации индивидуальные явления, разрыв между теоретической моделью и эмпирическим материалом может быть весьма заметен, что и вызывает периодические кризисы, как это и произошло с социальной историей в последней четверти XX в. За кризисом обычно следует выработка новых подходов, что ныне и наблюдается, в частности, применительно к понятию «абсолютизм».

Список использованных источников

1. Ляхович, Л. В. Проблема сущности и определения понятия «абсолютизм» в современной научной и учебной литературе / Л. В. Ляхович // История и педагогика. – 2013. – № 8. – С. 3–7.
2. Аврех, А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России / А. Я. Аврех // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 82–104.
3. Уваров, П. Ю. Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавалье, 1546–1553) // П. Ю. Уваров // Искусство власти: сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 236–257.
4. Ивонина, Л. И. Монархизация правителей и государств Классической Европы в конце XVII – начале XVIII в. / Л. И. Ивонина // Вопросы истории. – 2012. – № 8. – С. 104–117.
5. Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование / А. Н. Медушевский. – М.: Текст, 1993. – 320 с.
6. Сорокин, Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.: монография / Ю. А. Сорокин. – Омск: ОмГУ, 1999. – 322 с.
7. Омельченко, О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России (Политическая доктрина – Правовая политика – Государственные реформы): автореф. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. / О. А. Омельченко; Моск. гос. индустриал. ун-т. – М., 2002. – 42 с.
8. Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршинева (1905–1972). – М.: КомКнига, 2005. – 304 с.
9. Мякинская, А. В. Теоретические подходы к определению понятия «абсолютизм» в современной российской историографии / А. В. Мякинская // Философия. Культура. Общество: сб. тр. молодых ученых и аспирантов. в 2 ч. / редкол.: М. М. Демчук (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2004. – Вып. 4, ч. 1. – С. 145–151.
10. Сказкин, С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме / С. Д. Сказкин // Ученые записки Московского городского педагогического института. – 1941. – Т. 3, вып. 1. – С. 3–25.
11. Копосов, Н. Е. Абсолютная монархия во Франции / Н. Е. Копосов // Вопросы истории. – 1989. – № 1. – С. 42–57.
12. Копосов, Н. Е. Хватит убивать кошек! / Н. Е. Копосов. – М.: Новое лит. обозрение, 2005. – 245 с.

13. Уваров, П. Ю. В поисках «феодализма» / П. Ю. Уваров // Одиссей – 2006 – М.: Наука, 2006. – С. 5–10.

14. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западно-европейской монархии раннего Нового времени / Н. Хеншелл; пер. с англ. А. А. Паламарчук, при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова, отв. ред. С. Е. Федоров. – СПб.: Алестейя, 2003. – 272 с.

15. Мурьяев, В. А. Абсолютизм / В. А. Мурьяев // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия: в 5 т. / редкол. В. Л. Янин (гл. ред.) [и др.]. – М., 1994. – Т. 1. – С. 14–16.

16. Кареев, Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв.: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» / Н. И. Кареев. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – 452 с.

17. Малов, В. Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма / В. Н. Малов // Французский ежегодник 2005: абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). – М.: КомКнига, 2005. – С. 86–128.

18. Пименова, Л. А. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. / Л. А. Пименова // Французский ежегодник 2005: абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). – М.: КомКнига, 2005. – С. 195–222.

19. Чудинов, А. В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа / А. В. Чудинов // Французский ежегодник 2005: абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). – М.: КомКнига, 2005. – С. 259–293.

(Дата подачи: 14.02.2014 г.)

П. А. Малецкий

Республиканский институт высшей школы, Минск

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ – ВТОРОЙ ТРЕТИ XVII в. (на основании коллекции «Клады» Национального исторического музея Республики Беларусь)

В статье рассматривается один из самых интересных периодов в истории денежного обращения на территории Беларуси – от первых лет до конца 50-х гг. XVII в. Если в начале этого периода экономика Речи Посполитой переживала определенный подъем, то уже к началу второй половины столетия наметились серьезные кризисные элементы, которые и нашли свое отражение в катастрофической реформе 1659–1666 гг. Анализ проводится на основании кладов монет, относящихся к выбранному периоду.

In this article the author analyzes one of the most interesting periods in the history of money circulation in Belarusian territory – from the beginning of the XVII century to the end of 1650s. In the beginning of this period the economy of the Polish-Lithuanian Commonwealth experienced certain increase, however, by the second half of the century certain crisis elements became obvious. Those were reflected in the disastrous reforms of 1659–1666. The analysis was carried out on the basis of hoards of coins dated back to the aforementioned period.

22 марта 1659 г. Варшавским сеймом было принято постановление «О чеканке монеты» [1, с. 211], которое дало старт денежной реформе в Речи Посполитой. Король решил наполнить казну за счет принудительного курса медного солида в $\frac{1}{3}$ серебряного гроша.

В статье рассматривается состояние денежного рынка на территории Беларуси от начала XVII в. до конца 50-х гг., т. е. непосредственно до на-